

Андрей Белянин

Тайный сыск царя Гороха

Спецслужбы были и будут всегда!

Тайный сыск царя Гороха

Андрей Белянин

Заговор Черной Мессы

«Автор»

1999

Белянин А. О.

Заговор Черной Мессы / А. О. Белянин — «Автор»,
1999 — (Тайный сыск царя Гороха)

Оба романа известного российского писателя Андрея Белянина «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор Черной Мессы» объединены одним героем — младшим лейтенантом милиции Никитой Ивановичем Ивашовым. Волею судьбы или случая Никита Иванович оказывается во временах царя Гороха, где ему поручается должность сыскного воеводы, а отделение милиции под его руководством расквартировывают в тереме Бабы Яги. Ох и нелегка работа милицейская! А уж при царе Горохе тем более...

© Белянин А. О., 1999

© Автор, 1999

Андрей Белянин

Заговор Черной Мессы

Все началось с того, что в то утро меня опять разбудил петух. В нем вся проблема... Именно из-за этой скотины с гребешком и перьями я регулярно катастрофически не высыпаясь! Естественно, утро испорчено и настроение на весь день – хуже некуда! Если Яга не внемлет моим стонам и молитвам, я сам его задушю. Или застрелю из стрелецкой пищали (правда, для этого мерзавца надо привязать перед самым дулом, иначе я из этой базуки ни в жисть не попаду). Может, Митьку попросить, он на него медвежий капкан поставит? Нет, нет, нет... О чем это я? Да наш Митяй первым же в этот капкан и угодит. Пусть уж лучше он его так ловит. Представив себе двухметрового парня с квадратными плечами, гоняющего кур по двору Бабы Яги, я невольно улыбнулся.

Прошу прощения, что не представился сразу. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, холост, в политических партиях не состоял, родился и вырос в городе Москве. В настоящее время являюсь главой первого лукошкинского отделения милиции. Лукошкино – это столица нашего царства. Правит здесь царь Горох, очень неглупый мужчина, будет время – расскажу о нем подробнее. Отделение наше расположено в двухэтажном тереме Бабы Яги, где я одновременно и квартирую. Эта милая старушка с горбатым носом и кривыми зубами входит в штат оперативно-следственной бригады, в плане сбора информации – совершенно незаменимый работник. Да еще и приколовывает иногда. Я раньше сам в это не верил, пока лично не убедился. Ничего, привык... Еще у нас служит Митяй, тот самый герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого. Он сам деревенский, образования никакого, вот и носится на подхвате. Однако все трое мы составляем неплохую рабочую бригаду, заставляя считаться с нами весь криминальный мир родного Лукошкина. Хотя, честно говоря, уголовников здесь маловато. Народец местный к профилактике преступлений относится очень серьезно, как поймают карманника на базаре, так всем миром отметелят, что бедолаге только у нас в отделении и спасение. Еще стрельцы, конечно, очень помогают. Царь выделил специальную сотню для патрулирования города. Ходят по трое, а старший, бородач Еремеев, каждое утро докладывает лично мне криминалистическую обстановку. Как видите, работа наша, милицейская, в любом времени в любом государстве всегда востребованная. А этот сволочный петух... На самом-то деле проблема, конечно, не в петухе, а в том, что я просто хотел отдохнуть. Правда, из этого все равно ничего бы не вышло, но факт самого хотения...

Итак, сначала петух, потом Баба Яга доделывает его «черное дело», ласково уговаривая меня встать и спуститься к завтраку. Потом оказывается, что к обеду меня ждет царь-государь, а за столом будет присутствовать полсотни девиц-красавиц сплошь боярского рода и, как одна, на выданье. У Гороха своеобразное мнение о том, как и чем надо награждать за верную службу. Наградить, конечно, стоило... Прямо скажу, мы тогда провернули неслабое дельце с шаманским заговором. Но награждать женитьбой?! Это уж какое-то чрезмерное древнерусское самодурство. Нет, я вовсе не противник брака, не убежденный холостяк или чего хуже... нет! Только жену я хочу выбрать себе сам. И вовсе не обязательно боярышню. По-моему, женская красота, ум и порядочность от сословий не зависят...

Так вот, в пиковый момент в терем залетает Митяй и на всю горницу орет, дескать, купцы пришли, дело у них. Я даже чуть не всплакнул от счастья – служба превыше всего! Значит, на смотрины к Гороху не идем, тирьям-пам-пам!

– Так что, воевода-батюшка, звать? – раздался из сеней Митькин бас.

– Зови, я же сказал.

Баба Яга сидела в уголке у печи, проворные спицы так и мелькали в умелых пальцах. Старушка обещала связать мне шерстяные носки на зиму, ну а заодно заменяла в отделении так называемый «детектор лжи». Минутой позже представительная делегация вошла в горницу. Гости перекрестились на образа и поклонились сначала бабке, потом мне.

– По делу мы, Никита Иванович.

Я указал на скамью. Все трое сели. Двоих я знал. Самый высокий и дородный, с окладистой рыжей бородой, был потомственный купец Аксенов Федор Борисович. Три собственные лавки, харчевня и постоянный двор; его дела, возможно, и пахивали «черным налом», но пока не шли в явный конфликт с законом. Вторым был его партнер по торговле персидскими тканями Кирокосьянц Арон Давидович. Выходец из далекой Армении, он уже лет десять безвылазно жил в Лукошкине. Перевез семью, открыл свой гостинный двор, склад, а в случае шамаханских налетов даже отправлял двоих сыновей в царское ополчение. Третьего я никогда не видел раньше, но мог догадываться... Черная шляпа с полями, длинная черная одежда, завитые пейсы на висках и острохарактерный нос.

– Я вас слушаю, граждане купцы.

– Ну, говорить, видать, мне придется, как старшому, – весомо решил Федор Борисович. – Так вот оно и получается – воруют у нас!

– У нас везде воруют – страна такая, – криво улыбнулся я. – Поподробнее давайте: что пропало, когда и где?

– А... это вот уж пусть товарищ мой доложит, весь учет через его руки идет.

– Ну что я тэбэ скажу, участковый? – даже привстал Кирокосьянц. – Клянусь мамой, сколько живу – такого нэ видэл! Вэришь, нэт?!

– Верю. Конкретней, пожалуйста.

– Вай, зачэм торопишь? Такоэ дэло бэз суэты разбираться надо. Все черноэ воруют.

– Как это все черное? – не понял я.

Баба Яга в уголке тоже сделала удивленные глаза.

– Сам нэ знаю, – пожал плечами армянин. – Ткани пэрсидскиэ взем, в лавках храним, всэ на мэстэ, черных – нэт! Бархат черный испанский – нэт, кожа черная африканская – тожэ нэт.

– Господи, вы что ж там, негров свежуете, что ли? – вырвалось у меня.

– Зачэм нэгров? Пантэра, лэв черный, змэи разныэ... Все на своем мэстэ лэжит, черный – нэт.

– Бред какой-то. Ладно, записал. Гражданин, вы что-то имеете добавить?

– Таки имею... Представиться позволите? Шмулинсон Абрам Моисеевич. Прибыл на днях в ваш трогательно милый город, имею честные намерения открыть меняльную контору с услугами опытного портного-гробовщика. Ви улавливаете суть? Вот ви человек молодой, благослови Господь, решаете жениться или, не приведи Боже, помереть...

– Ближе к делу, – напомнил я.

– Ах, дело. Всегда дела, бедный еврей вечно должен работать, потому как дома больная жена и шестеро ребятишек, а всем хочется кушать. Горе в том, шо я вложил весь свой капитал в черную материю, которая, как ви уже поняли, мне нужна до зарезу. Нет, я могу оббить гроб и веселым ситчиком в цветочек. По мне, так пусть покойник радуется, но поймут ли это родственники безвременно усопшего?

– Все ясно. Как я понял, вы, гражданин Аксенов, требуемый материал завезли?

– На том и стоим. Раз есть покупатель, мы ему товар завсегда лицом предоставим.

– А вы, гражданин Кирокосьянц, получили материю на склад и взяли деньги с Абрама Моисеевича?

– Ну, взял. Пачэму нэ взять? Мы дэла честно вэдем. Он дэньги вечером принес, утром на склад пошли – там нэт ничего!

– И дело-то не в деньгах, – снова вмешался старший купец, – деньги мы хоть сейчас вернем. А только непорядок это! Вора сыскать надобно всенепременно.

– Сыщем. – Я захлопнул планшетку. – На первый взгляд ничего особенного. Можете идти, граждане, мы займемся вашими кражами.

Все трое встали, поклонились и вышли. Баба Яга пересела ко мне за стол, задумчиво зевнула и грустно доложила:

– Все честь по чести, Никитушка. Преступника посреде них нет.

– Вы хотите сказать, вора?

– Ну, воруют-то все трое, в ихнем деле без воровства никак нельзя, в торговле воровать сызмальства учат, а не то прогоришь. Я тебе о чем толкую-то: все они правду говорят, и ни один об жулье энтот странном ничего не утаил.

– Я думаю, нужна хорошая ревизия на армянский склад. Наверняка там много чего неучтенного или «пропащего», а черной ткани хватились лишь из-за того, что за ней пришел покупатель, к тому же оплативший все услуги вперед.

– А зачем? – хмыкнула Яга.

– Хороший вопрос, – согласился я. – Действительно, зачем? Мог прийти утром, товар – деньги. Не вполне понятно...

– Что делать-то думаешь, Никитушка?

– Начну с базара. Надо обойти все лавки и поинтересоваться, но ненавязчиво, не пропадала ли где еще черная мануфактура.

– А еще кожу энту, негритянскую, не забудь.

– Африканскую. Не забуду. Эй, Митька, давай сюда, есть срочная работа. Значит, так...

Один из серьезных минусов нашего парня – это творческий склад ума. То есть ума как такового у него почти и нет, а та скромная масса, что есть, навеки отравлена вирусом созидания. Он любит творить! Дайте этой орысине любое задание – он его выполнит... Но так выполнит, что вы потом за голову схватитесь. После его походов на базар в качестве «народного контроля» за обвесом, недомером, нетоварным видом и т. д. отделение захлестнула волна жалоб от разобиженных торговцев. Проверяет степень пропеченности хлеба – сожрет полкаравая, уточняет наличие спирта в медовухе – вылакает весь жбан, если не отберут. А уж его извечная борьба за качество кислой капусты...

– В общем, слушай, – сурово начал я, – задание твое будет трудным, секретным и опасным.

– Батюшка сыскной воевода, да я... вы ж меня знаете... Живота не пожалею!

– Знаю, слишком хорошо знаю. Поэтому и настаиваю на четком и оперативном выполнении приказа. Никакой самодеятельности!

– Обижаешь, батюшка...

– Выдвигаешься в район базара. Ходишь по рядам, но ничего не трогаешь. Понял? Узнаю, что опять у старушек семечки кланчил, якобы «на нужды отделения», – накажу! А задача твоя – всех обойти, по всем лавкам побегать и выяснить где, когда, по какой цене можно приобрести следующие товары: первое – ткань черная (шелк, ситец, бархат); второе – кожа черная (сафьян, хром, кирза).

– Осознал, – серьезно кивнул он. – А ежели я...

– Нет, покупать ничего не надо, спросишь и уходи. Бумагу, карандаш и сумку получишь у Яги, непосредственно перед выходом на задание.

– Уловил. Вот только...

– Нет, образцов не воруй, мне их сюда тащить незачем. Еще вопросы?

– Дык... ясно, не лыком шиты. Значитца, коли я...

– Митька, только попробуй! Подозрительным продавцам руки за спину не крутить и в отделение ко мне через весь город не волочь... Во всем прочем – действуй по обстановке. Главное, не привлекай особенного внимания.

Митяй тяжело вздохнул, развел руками, попытался козырнуть, притоптывая лаптями, и повернулся к Яге. Та достала большую холщовую сумку, сунула в нее лист бумаги и новенький карандаш, после чего от щедрой женской души бросила туда же два яблока и повесила парню на шею.

– Ты уж смотри там. Задание у тебя больно серьезное, не подведи нас с участковым.

– Не робей, бабуля, справимся! Но ежели что... уж ты мамане моей на деревню-то сообщи. Так, мол, и так... смертью храбрых... на боевом посту... Можно, я напоследок бублик с собою возьму? Все не так страшно пропадать во цвете лет...

– Бери, бери, родимый, – всхлипнула бабка, но уже через секунду поняла, что, собственно, происходит. – Ах ты, вымогатель паршивый! Телок беспардонный! А ну, марш на работу и чтоб духу твоего здесь не было!

Митяй вовремя шмыгнул за дверь, и Яга поставила ухват на место.

– Совсем заболтал старую... А что, Никитушка, мы-то с тобой чем займемся?

– Рутиной, – вздохнул я, выглядывая в окно. – Вон Еремеев пожаловал, надо доклад принять. Сделайте нам чайку, пожалуйста.

Старший стрелец, Фома Еремеев, был немного моложе меня, но для солидности холил короткую бороду, а в начальники выбился благодаря личной храбрости и уму. Парнишка был поповского рода, но не пошел по родительским стопам, а сделал ставку на армейскую карьеру. По службе мы сдружились, и я всегда угощал его чаем.

– Что нового в городе?

– Жизнь течет, – философски отвечивал стрелец.

– А не было ли за последнее время каких-то подозрительных лиц?

– Народу много шастает, на то мы и столица. Тока если ребята начнут всех подозрительных хватать – у нас тюрем не достанет.

– Логично... – признал я.

– Али случилось чего? – Фома отодвинул чашку.

– И да и нет... Купцы пожаловались, будто у них черная ткань пропала, вот я и спросил. Так, на всякий случай...

– Да уж... ежели бы конь пропал, золото какое, а то тряпки. Обыскивать всех, что ли?

– Нет, конечно. Просто, если где всплывет рулон-другой, дай мне знать. Договорились?

– По рукам, участковый!

Вот с такими людьми и работать приятно. Однако на самом деле больше заняться было абсолютно нечем. При отсутствии какой-либо информации строить версии на пустом месте просто глупо. Похоже, Ягу съедала та же скука, мы на пару уселись за стол, и только тогда бабка дала выход своим сомнениям:

– Думала я, думала и вот что тебе, сокол ясный, скажу: ничего я не поняла! Зачем вору надо было ткань красть? Добро бы одну штуку, а то ведь все подчистую со склада умели. Чего с ней делать? Продать? А кому столько тряпок да кожи надо? Да ведь еще все сплошь черное...

– Это меня и смущает, – признался я. Абсолютная бессмысленность кражи. – Черный цвет у вас не в моде. Вот гробовщик захотел купить, так заказывать пришлось, в лавках не было. Почему вор не взял цветные ткани? Там, наверно, были и ярче, и дороже. Какой смысл в похищении именно черных?

– Вот и я о том же... И знаешь, беспокоит меня это, Никитушка. Прав ты был, надо завтра же на склад армянский идти, там ответ искать. Не нравится мне это дело. Помяни мое слово, добром оно не кончится.

– Ладно... На первый взгляд – ничего особенного, не будем нагнетать обстановку. Однако Митька задерживается... В Лукошкине не больше тридцати мануфактурных лавок, супермаркетов и универсамов в помине нет, где ж его черти носят?

Как бы в ответ на мой вопрос в ворота забарабанили. Яга пошла разбираться, а я бессмысленно мерил комнату шагами – черный цвет никак не хотел меня отпускать. Казалось, что я упустил что-то безумно важное, и, если бы только понять, почему именно черный, все стало бы легко и просто.

– Никитушка, тут к тебе...

В горницу вошли четверо купцов, судя по костюмам и лицам – все выходцы из Средней Азии. Самое трогательное, что трое держали в горизонтальном положении свернутый персидский ковер, с одной стороны которого почему-то торчали лапти сорок пятого размера.

– Да хранит Аллах тебя и твое управление, уважаемый участковый, – вежливо поклонились все, но говорил один, маленький, худой, в полосатом жилете и тюбетейке. – Мы люди не местные, приезжие, всех законов не знаем, но уважать очень стараемся. Вот шпиона поймали – тебе принесли. Благодарить не надо, подарков не надо – мы милицию очень любим.

Трое азиатов раскатали ковер, из которого вывалился... Митька! Собственно, кого еще я ждал?

– Шпион?

– Совсем шпион, гражданин начальник. Вокруг моего каравана целый час ходил, тюки смотрел. Я за ним Абдуллу послал, Абдулла говорит – шпион везде ходит, все смотрит, по-человечески не понимает, на бумажку пишет. Сам посмотри!

Я взял измятый лист, обильно исчерканный Митькиными каракулями, чертыхнулся про себя, а купец воодушевленно продолжил:

– Как одет! Разве честный гражданин так ходит? Шпион и есть! Мы его вежливо, как человека, спрашиваем: ты шпион? Молчит. А борода фальшивая! Вот, тебе принесли, начальник. Всего его забирай, нам даром не надо...

– Большое спасибо! – решил я, вставая из-за стола и пожимая всем четверым руки.

Улыбаясь и лопоча, купцы удалились. Настало время разборок...

– Бабуля, там у нас стрелы не проходили? Надо сдать задержанного в тюрьму.

– Чего? – не понял Митька, сидящий на полу и завязывающий лапоть.

– Как скажешь, Никитушка, – подмигнула мне Яга. – Ах ты ж, напасти какие... Шпионы расплозились, как тараканы поганые! Всенепременно надо в тюрьму, там уж с него спросят...

– Да вы что?! Баба Яга! Никита Иванович! Вы что ж, не признали? Это ж я – Митька!

– Кто? – сощурился я. – Вы, гражданин, здесь горбатого не лепите, у нас с военными разведчиками разговор короткий – за уши и к стенке!

– А еще честным именем сотрудника милиции прикрывается, – возмущенно поддержала Яга, – Митька, говорит, я! Да ты нашего Митеньку в глаза-то видел? Он парень молодой, ни усов, ни бороды не носит, ликом светел и одет по-русски. А теперь на себя посмотри, нехристь басурманская!

Бедолага встал и торопливо ощупал себя со всех сторон. Потом до него дошло... Он сорвал с головы пестрый тюрбан, почему-то украшенный турьими рогами, сбросил с плеч большой мешок из-под муки с прорезями для рук и головы, снял непонятный платок, обернувший его бедра, как клетчатая шотландская юбка, стер подолом рубахи слой дегтя с лица и окончательно отлепил полуоторванную бороду из лисьего меха.

– Вот он я!

Под нашими тяжелыми взглядами Митька неуверенно потоптался и пустился в торопливые объяснения, не дожидаясь законных вопросов:

– А че я? Че сразу я? Вы ж сами сказали – «не привлекая внимания». Так мою рожу каждая собака в Лукошкине знает. Козе понятно, что, раз человек из милиции интересуется, значит, дело уголовное. Рази ж тут кто правду скажет? Ну вот, переоделся. Сам от купцов заезжих слышал, будто страны есть, где люди черны, аки бесы! Ну, я и... дегтем лицо и руки... слегка того... Костюмец подобрал, опять же, чтоб не узнали. Да ежели б энти узкоглазые меня палкой по затылку не шарахнули, я б их сам всех в один ковер запихал и узлом завязал на память!

– Митька, – еле выдохнул я, почти умирая от хохота, – а рога бычьего какого лешего к тюрбану присобачил? Негры, они, конечно, черные, как бесы, но безрогие, честное слово...

– Правда? – искренне огорчился он. – А я уж думал еще и хвост сзади привесить... Не рискнул, мальчишки б засмеяли.

– Ладно, – отдышались мы с Ягой. – Судя по всему, внимания к операции ты не привлек. Теперь покажи, Христа ради, чего ты тут накалякал?

– Где? Дык... писал я тут. Не видно разве? Даже обидно как-то... Вот ведь нормальными буквами, разборчиво: «ничавонетутииспоулафкахтоженету».

– Бабуля, это кто ж его, молодца, так грамоте обучил?

– Знамо кто – Филимон, дьяк думского приказа. После дела царского они, почитай, неделю безвылазно в его домишке сидели. Ты ж сам приказал, чтоб он премудрость эту книжную, как там... форсировал! Вот он и подошел со всем старанием...

– Ясенько... Ну что ж, шпион африканский из дружественной Нигерии, марш в баню! Как отмоешься, иди спать, устный доклад отложим на завтра.

К себе наверх я поднимался с тяжелым сердцем. Можно ругать Митьку за все грехи, но одно ясно без проверок: если он ничего не нашел, то в городских лавках черного материала нет! Толкнув дверь, я шагнул в свою комнату, и... кто-то сзади набросил мне что-то на голову и стал душить. Нападающий явно превосходил меня силой и весом, так что перебросить его через себя мне не удалось. Уже тускнеющим сознанием я сообразил прекратить бессмысленную борьбу с зажавшими мое горло лапами и, опустив левую руку, резко ударил противника в пах. Я попал туда, куда надо... Нападавший охнул и ослабил захват. Я вывернулся, кое-как сорвал с головы кусок мокрого шелка и, едва не падая, повис на двери. В слабом лунном свете была видна массивная мужская фигура, скрючившаяся в углу. Внезапно человек поднялся, блеснула узкая полоска стали, но он напрасно решил, что все будет так просто. Оттолкнувшись левой ногой от порога, я повис на руках, и, используя силу движения двери, ударил врага пяткой в грудь. Мужчину снесло к окну, через которое он и вылетел с торжественным звоном!

– Никитушка! Что с тобой, касатик?! – Ко мне бежала перепуганная бабка с ухватом наперевес.

– Все... нормально... – слова давались с трудом, видимо, негодяй все-таки сильно пережал мне горло.

Яга все поняла без слов, быстро осмотрела спальню, ткнула ухватом под кровать и высунулась в окно.

– Убег... – с сожалением доложила она. – Что ж это такое деется? Из-за каких-то тряпок на самого участкового злоумышленничать надумали... Не дело это. С утра потребую, чтоб наряд стрелецкий целные сутки, в две смены, терем наш от злодеев охранял!

– Терем им не нужен. Им нужен я... почему?

– Нет уж, милоч! – строго заявила Яга. – В прошлый раз, чтоб до тебя добраться, шамоханы дом мой жгли, красного петуха пускали. А в энтот раз чего удумают? Ну как порохом взорвут?!

– Уф... прямо какие-то арабские террористы... Что это?

– Где?

– Да вот. – Я поднял с пола кусок черной материи. – Шелк. Он набросил мне это на голову. Между прочим, цвет тот самый, как в ориентировках по поиску похищенного товара.

– Ну и что с того?

– Не знаю. Пока не знаю. А Митька где?

– В бане, где ему быть, – пожала плечами разгоряченная старушка. – Дак... и вправду, чей-то долго его нет... Не случилось чего?

Мы поспешили вниз. Баня находилась во дворе, рядом с порубом. Судя по луже воды и следам сапог, здесь тоже не обошлось без покушения. Боже ты мой, если они ему хоть что-то сделали! Я рванул дверь баньки. Показалось густейшее облако пара, и грозный Митькин голос визгливо проорал:

– Не подходи! Живым не дамся!

В то же мгновение на нас с Ягой выплеснулся целый жбан кипятка! Как мы умудрились отпрыгнуть в стороны – ума не приложу. Мне, человеку молодому и тренированному, это далось с трудом, что уж говорить о бабкином прыжке с кувырком-переворотом...

– Митька, дубина! Не дури! Это я, слышишь.

– Ба... воевода-батюшка? – недоверчиво спросил он, и из облака пара вышел красный, как вареный рак, наш вымытый сослуживец. Он прикрывался деревянной бадейкой и выглядел несколько напуганным.

– Что случилось?

– Так и я о том же спросить хотел. Случилось чего?

– Давай первый рассказывай.

– Че ж тут скажешь? Моюсь, согласно вашим начальственным указаниям. Вроде кто-то в дверь – шашь! Я смотрю – мужик, весь в черном, глаза злые, а в руке ножик. Так, думаю, не колбасу он сюда резать пришел. А зачем? Ну, спрашивать не стал, просто дал ему, вон, шайкой по зубам – он за двери и выпал. Я – к котлу с кипятком, полную бадью зачерпнул, жду... тут дверь опять открывается. Ну и все... я как... а это вы... Предупреждать же надо!

– Вот мы и бежали, чтоб тебя, дурака предупредить, – заворчала Баба Яга, она уже дважды поднималась из горячей лужи и дважды поскальзывалась вновь. На третьей попытке она плюхнулась и разразилась полновесной бранью, так и сидя в грязи: – Что ж ты, охальник, на пожилых людей кипятком-то плещешь? Мало тебя не пырнули, мало Никиту Иваныча не придушили – так то хоть враги! А на меня что ж, свои же сотрудники покушения устраивают?!

Мы кинулись спасать рассерженную старушку. Митька, отбросив шайку, шагнул шире, чем я, и легко поднял Бабу Ягу. Но, узрев перед собой голого мужчину, моя домохозяйка аж побурела и возопила как резаная:

– Пусти, бесстыдник!!! Хоть бы срам ладошками прикрыл!.. Да я из тебя!..

Договорить бабке не удалось, Митька послушно разжал руки, и Яга вновь грохнулась в лужу! Грязь так и брызнула взрывом во все стороны. Теперь уже мы все трое были «чистыми», как чушки.

– Ирод... – тихо и со значением произнесла бабка.

Я деликатно поставил ее на ноги. Митяй не нашел ничего умнее, как поклониться нам до земли и, сверкая голыми ягодицами, упрыгать назад в баньку.

– Иди и ты с ним, касатик. Чистое белье я принесу. С тер... как это? террористами твоими завтра разберемся, есть у меня одна задумка. Утро вечера мудренее...

До завтрака Яга хранила таинственное молчание. После чая она села напротив меня и сама начала серьезный разговор:

– Вот что, Никита Иванович, ты у нас начальник, тебе и решать. А только я, старая, одно предложение имею. Хочу на операцию пойти.

– Что-нибудь серьезное? – встревожился я. – В вашем возрасте лечиться на стол к хирургу – дело рискованное. Кто оперировать-то будет?

– Оперировать? – не сразу уловила бабка. – Ну, я ж говорю, ты начальник, ты и оперируй!
– Я?!

Похоже, мы действительно не понимали друг друга. Выдержав долгую паузу и сложив в уме два и два, я понял... Поэтому постарался сделать серьезное лицо:

– Итак, каков же план вашей операции?

– Хочу я тех варнаков найти, что на вас с Митькой вчера злоумышленничали.

– Мысль дельная. А как? Кота по следу пустим?

– Нет. Вот смотри, я стеклушки под окном подобрала. Видишь, вот на этом и этом кровь запеклась. Видать, порезался, вражина... А вот и зуб коренной! У самой баньки, в грязи валялся. Напарник-то твой хвастал, будто бадейкой злодею по мордам угодил? Так и есть, вот она, улика-то, зуб выбитый. По ним и найдем.

– М-м... весьма проблематично... В Лукошкине народу завались, если стрелы начнут хватать всех беззубых или с порезом на пальце, то у нас поруба не хватит. Да и как идентифицировать группу крови на стекле с группой крови подозреваемого? Здесь нужна профессиональная медицинская экспертиза.

– Запутал ты меня... – поморщилась Яга. – Замудрил совсем словами своими учеными. Об эк...пертизе (прости ее, Господи) вашей я отродясь не слыхивала, а вот на крови человеческой завсегда поворожить можно. Прикрой-ка дверь да Митьке скажи, чтоб не пускал никого, – я колдовать буду.

На самом деле в этом нет ничего особенно интересного, Яга колдует по старинке. Технические приспособлений – минимум, химикатов никаких, но разных ингредиентов, типа сушеных ящериц, лягушачьей икры, куриного помета и прочей дурно пахнущей прелести, – в избытке. Все по баночкам, по горшочкам, по коробочкам, на специальных полочках, чтоб с кулинарными специями не перепутать. А то еще всыплешь ненароком в суп вместо перца толченые мышьи мозги...

– Кровь, кровь! Руда, руда! На три стороны свет, на четвертую ночь. Из сырой земли точит, точит вода – одолеть ее никому невмочь. Как на крестный ход не звонит звонарь, не разбить ветрам – камень Алатырь... Во степи гора, а на ней алтарь, как на алтаре том лежит Псалтирь. От ее страниц свет по времени, а сама от старости зелена... О хозяине, роду-племени, говори, руда-то, что велено!

За точность текста я ручаюсь, а вот что конкретно и в каком количестве Баба Яга сыпала в это время в глиняную миску, чем заливала, сколько раз плюнула... уже не запомнил. Главное, что после стиха она сунула в это месиво осколок стекла с размазанной капелькой крови, и над мисочкой заиграло розоватое сияние.

– Отвечай мне, кровь человеческая, – чьего ты роду-племени.

– Охранники мы, – тонким голоском пискнула склянка. – Служим у немецкого посла с самого своего рождения, поэтому роду-племени не ведаем.

– А кто твой хозяин, как имя его?

– Посла немецкого? – уточнила кровь.

– Ты мне из себя дуру-то не строй! – прикрикнула Яга. – На фига мне твой посол сдался?! Ты прямо говори – из чьего тела будешь?

– Так и говорю прямо – охранник Ганс Гогенцоллерн.

– Кто?! – обомлел я, не в силах сдержать удивления. – Это не тот Гогенцоллерн, что является высококняжеским родом Германии? Автомобильный магнат, подмявший под себя полковину промышленности, блестящий аристократ, еще со времен саги о Нибелунгах, и постоянный претендент на императорский престол?..

– Нет, – хорошенько подумав, решила кровь, – я бы знала. Видимо, однофамилец.

– А зачем же твой хозяин нашего участкового душишь удумал?

– Понятия не имею. Я за него не в ответе. Еще вопросы будут?

– Еще че спросить? – просемафорила Яга.

– Какой она группы? – брякнул я первое, что пришло в голову.

В криминалистике очень важно знать правильный состав крови подозреваемого...

– Какой ты группы? – певуче повторила бабка.

– Да вы че?.. – ошарашенно пропищала капля. – Ну и вопросыки, однако... Я что ж, по-вашему, сама себе медицинский анализ делала?!

– Тогда... претензий не имеем, – переглянулись мы.

– Честь имею откланяться. – Розовое сияние исчезло.

– Записать-то успел?

– Естественно... – Я на минуту оторвался от планшетки: – Зуб тоже будем допрашивать?

– А то...

Баба Яга взяла другую миску и повторила ту же процедуру, на этот раз заменяя слова «кровь» и «руда» на «кость» и «зуб». При минимальных исправлениях ритмика стиха не изменилась и определенная напевность была сохранена. Как видите, я тоже стал немного разбираться в колдовстве... С выбитым зубом провели схожую беседу, он отвечал так же охотно, хотя почему-то шепелявил:

– Хожаин мой охранником шлужил у пошла немецкого, а шовут его Шора Шуков.

– Жора Жуков? – Я опять не поверил своим ушам. – Бабуль, а он не издевается над нами?!

– Не посмеет... – отмахнулась Яга. – А что такого, имя как имя...

– Да как сказать... Слушай, а у вашего посла, что вся охрана состоит из таких знаменитостей?

– Не жнаю... Мажепу помню, Бурбонов двое, Романов ешть, Ротшильд, ну и Ху Ши Мин вроде – вам то жачем?

– А вот это не твою ума дело! – обрезала бабка. – Тут мы вопросы задаем. Пиши, Никитушка, все фамилии ихние пиши, потом разберемся.

– Э-э... мужик! – заволновался зуб. – Ты там не укаживай... А то шкажут, будто я опять вшех жаложил...

– Так, значит, были прецеденты? – сощурился я.

– Ничего не жнаю! Я жа хозяина не ответчик...

Когда с допросом было покончено, мы попытались суммировать полученные сведения.

– Итак, удалось выяснить, что двое охранников из штата германского посла (а именно Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков) совершили акт разбойного нападения на сотрудников уголовного отдела центрального отделения милиции города Лукошкино. Вопросы... Зачем они это сделали? Знал ли об их действиях посол и какова его роль в этом деле? Можно ли из-за куска черного шелка, брошенного преступником, вывести версию о наличии некой связи данного покушения с делом о краже черной ткани?

– Че тут думать-то? Действовать надо! – решительно хлопнула кулачком по столу Баба Яга. – Берем стрельцов и айда в немецком посольстве шерудить. Пусть узнает немчура проклятая, как на нашу милицию рот разевать!

– Не выйдет... – призадумался я. – Посол – лицо неприкосновенное, и двор посольский обладает дипломатической неприкосновенностью. Без ордера на территорию суверенного государства вторгаться не будем, отсюда и до международного конфликта недалеко... Митьку с записочкой к царю отправлю, пусть там оформят все документы, мы после обеда заедем, заберем. А уж вечером, во всеоружии, вежливо заглянем к нашим немецким друзьям.

– Уж больно мудрено, – поморщилась Яга, вставая из-за стола и натягивая душегрейку. – По мне – так пошли бы прямым ходом и спросили без всяких там... Ну да ладно, ты молодой, тебе видней. Сейчас-то куда идем?

– Все по плану. – Я тоже встал, накинул китель и взялся за фуражку. – А по плану у нас визит на мануфактурный склад гражданина Кирокосьянца А.Д. Ну так что, пошли?

Митька с запиской дунул к Гороху. Его при царском тереме все знали и на аудиенции к царю в прихожих не томили. Я встретил у ворот стрелецкого старшину Еремеева, рассказал о ночном происшествии, наказав поставить у терема охрану и прислать трех стрельцов за нами на армянское подворье. Мы с Ягой неторопливо отправились пешком. В Лукошкине нас узнавали и приветствовали снятием шапок, для простого люда мой мундир был вполне начальственным, хотя и не таким богатым, как, например, у тех же стрельцов.

– Никитушка, а что мы, собственно, у Арона искать-то будем? Ежели недостачу, так он ее, поди, в книгах учетных надежно схоронил. Ежели ткань черную, недосмотренную, так ему всех приказчиков в шею гнать надо. Ежели еще какую преступную деятельность, то... чего нам, делать нечего?

– Мы идем знакомиться, – подумав, решил я. – Это официальная версия. На самом деле меня напрягает не сам факт кражи, а непонятная система исчезновения товара. Вы понимаете, они ведь не первый день замужем, знают, как торговать, как лавку запирают, как собак с цепи спускать и сторожа на ночь ставить. Причем у армян талант к торговле просто врожденный. Я не понимаю, как у них могли украсть!

– Ежели жулики наши, местные, то и у армян украдут! – убежденно парировала Яга. – Русский человек во всем, что удали касается, верх возьмет. Ты б лучше подумал, с чего это на тебя убийца подослал?

– Вопрос, конечно, интересный... А самое главное, ответить на него нечем. Мы же еще ничего не узнали, не развели, не выяснили... и нате вам!

– Никитушка, а может, тебя того... ну, захотели на тот свет отправить только потому, что ты, голубь сизокрылый, вообще за это дело взялся?

Этим она меня срезала. Милиционеров убивают... иногда. Как и полицейских или любых других представителей внутренней власти. К такому печальному финалу нас загодя подготавливало начальство, да и мы сами отлично знали, на что шли. Однако покушаться на участкового еще до того, как он хоть что-то узнал, – это уже беспредел! Дайте бедному милиционеру хотя бы понять, за что именно!

Армянское подворье почти ничем не отличалось от большинства стоящих в Лукошкине зданий, разве что ворота украшала какая-то национальная резьба. Нас встретили вежливо, сразу позвали хозяина, пригласили в дом. Арон Давидович буквально лучился от счастья, называя нас самыми дорогими и самыми любимыми гостями! На мой взгляд – перебор в эмоциях налицо. Как правило, это верный признак нечистой совести...

– А теперь – за стол! Всь дом ужэ сидит, всь вино налили, вас ждут. Идем, дорогиз!

– Нет. Мы к вам строго по делу...

Пока мы препирались с хозяином, бабка быстро шмыгнула в горницу, вернулась и шепотом доложила на ухо:

– Никитушка, там и впрямь вся дворня сидит, стол от закусок ломится, вина полны кувшины. Если на минуточку сядем, аккурат к концу недели и уйдем...

– Гражданин Кирокосьянц, проводите, пожалуйста, нас на склад.

– Какой склад? Какая служба? Слушай, такиэ гости...

– На склад, где пропала черная ткань, проводите.

– Ой, куда спэшить? Что он, убэжит, да?! У мэня эсть такоэ вино...

– На склад нас проводи, чурка бестолковая! – отодвинув меня, грозно рявкнула Баба Яга. – А сам марш за свой стол и пей там, пока не окосеешь! Никитушка, вклепай ему пятнадцать суток за противодействие работникам милиции.

Гостеприимный армянин мгновенно развернулся и, как сомнамбула, отправился во двор. Мы – за ним. Открыв два висячих замка на большом сарае, он вновь развернулся и, также не говоря ни слова, ушел в дом.

– Это, как я понимаю, склад?

– Он и есть.

Все помещение было доверху набито товаром: ткани, шерсть, тюки с ватой, отдельно – связки кож и меха. Пока Яга находилась внутри, я внимательнейшим образом осмотрел помещение снаружи – никаких следов подкопа, взлома, тайного лаза – ничего. Как я понял, и у Яги негусто.

– Вот тут она лежала, ниточки черные к стене прилипли. А насчет способа, так я тебе так скажу, не крали ее, а склданули!

– Как это? – не поверил я.

– А просто сидел кто ни есть у себя дома, книгу волшебную взял, заклинание прочел, и весь товар из лавок у его носа в сей же час и очутился. Склданул он его, значит. Так что улик нет.

– Хорошенькое дело... Это что же, каждый, кому взбредет, такое может?

– Не каждый. На то книга нужна, не простая, а черная. И читать ее надо умеючи, а то и одного слова не произнесешь – замертво свалишься. Не простой человек тут орудовал, а колдун могучий! Нелегко будет с ним справиться...

– Ну, если колдун... Тогда понятно, почему исчезла именно черная ткань, – вслух поразмыслил я. – У него с головой не все в порядке, может, в детстве ушибся, может, в юности мухоморов переел... Ничего не мог умнее придумать, как в столичном городе у купцов со склада тряпки таскать. Черные! На носовые платки, что ли?

– Не смешно, – сухо откликнулась Яга. – Пошли отсюда, слышь, уже поют.

Из терема действительно доносились чистые звуки слаженного многоголосья. Пели, по моему, «Аршин малалан», но не буду утверждать наверняка. Поманив к себе какого-то горбоносого паренька, мы объявили об уходе, попросили извиниться перед хозяином и не забыть запереть склад. Мальчик кивал не переставая...

Митьку со стрельцами мы встретили на улице. Наши первоначальные планы несколько изменились – царь разрешения на обыск посольства не дал, а потребовал, чтобы я сей же час предстал пред его светлые очи. На самом-то деле Горох вполне доверяет мне, как профессионалу, но иногда, со скуки, пытается изобразить из себя опытного оперативника на пенсии и «координирует мои действия». Это смешно и трогательно, хотя в его присутствии я стараюсь не хихикать – царь все-таки...

На входе в государевы палаты нас встретил думный дьяк Филимон Груздев. Его простили, восстановив в должности, и теперь он относился к милиции с необыкновенным почтением. По крайней мере при царе...

– Ба, Никита Иванович пожаловали! Ну, здравствуй, здравствуй, свет ты наш участковый! И вам поклон, бабушка! И тебе привет, Митенька, что ж ты, стервец, второй день уроки прогуливаешь?!

– Заняты мы, Филя, – ответила за всех Баба Яга. – Проводи-ка нас к царю, да не болтай без дела.

– Конечно, конечно... Как можно? Да рази ж мы без понятия? Соображаем, что вам секретность тайную соблюдать надо... А что за дело-то?

– Секретное, – еще раз повторил дьяковы слова старательный Митька, зажимая священнослужителя пузом в угол. – Никита Иванович, вы идите, а мы уж тут... алфавит хором поразучиваем.

– Куды? Без меня? – метался дьяк, безуспешно пытаясь выпрыгнуть. – А я? Да как же... Нельзя ж... без доклада!

У тронного зала нас с Ягой встретили царские стрельцы. Вся стража сразу заулыбалась – помнила наш совместный бой за государевым тронном.

– Проходи, сыскной воевода, ждут тебя.

– Давай, касатик, уж ты там разберись. Да помягче, поспокойней с Горохом-то, не ровен час, осерчает – уволит тебя под горячую руку. Я уж тут, у окошечка подожду...

– Здравия желаю!

– Здрав и ты будь, участковый. Ну-кошь, садись да обскажи мне обстоятельно, чего вы там с благородным купечеством удумали?

Горох старше меня на несколько лет, горяч, но отходчив, храбр, по-своему справедлив и для своего шестнадцатого века человек очень прогрессивных взглядов.

– Дело пока не особенно интересное... – задумчиво начал я. – Двое известных торговцев, граждане Аксенов и Кирокосьянц, подрядились доставить определенное количество черного материала по предоплате некоему Шмулинсону. Купцы они известные, оба не один год в бизнесе, партнерством проверены и друг друга ни в чем упрекнуть не могут. Однако если вечером были переведены деньги, то утром оплаченного товара на складе не оказалось. Он таинственным образом исчез...

– Дак... это тот Шмель... Шмуль... он, в общем, сам его и покрал! – воодушевленно хлопнул себя по колену государь.

– Хорошая версия, но, боюсь, притянута за уши. Зачем Шмулинсону красть собственный товар, если он за него уже заплатил?

– Так в чем и весь хитрый план... Он, вишь, и материю себе забрал, и деньги назад с купцов честных слупить хочет. Да точно тебе говорю – Шмулинсон и спер! Все они, Шмулинсоны, такие...

– О господи боже, что-то вас сегодня переклинило на антисемитизме. Разрабатываете новую концепцию «русской идеи»?

– А ты в мою политику не лезь!

– А вы в мою милицию лезете?

– А на то я и царь! Мне на роду написано всеми делами в государстве интересоваться, тем паче – уголовными. Ну, ладно... че там дальше-то было?

– Было покушение на меня и моего сотрудника, но мы с Митькой отбились. Обоим злоумышленникам удалось бежать. По следам крови и найденному зубу Бабе Яге удалось идентифицировать личности преступников.

– Кто посмел?! – грозно взревел Горох.

– По нашим сведениям, это некие Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков, оба работают в штате охранников немецкого посла.

– Ешкин кот, – недобро процедил царь, сурово сдвинув брови. Мгновением позже он резво вскочил на ноги и громко топнул: – Стража!

– Здесь, ваше царское величество! – разом влетели стрельцы.

– Немецкий посол еще тут?

– Так точно, во дворе, в карету садится... – пояснил один. – Видать, домой к обеду поспешают.

– Вертать взад! – рявкнул Горох. – Сейчас он у меня здесь... откушает!

Посла со всем надлежащим уважением внесли уже через пару минут, хотя он грязно ругался и отбрыкивался.

– Доннер веттер! Дас ист дойчер дипломат! Русиш швайн! Думкопф!

– А-а... кто к нам пожаловал! – игриво улыбнулся Горох, сходя с трона и гостеприимно распахивая руки. – Кнут Гамсунович Шпицрутенберг, собственной персоной! Входи, входи, дорогой посол немецкий... со стрелецких-то ручонок спрыгни, чай не дитя малое, чтоб с тобой цацкались!

– Ваше царское величество... – Посол мгновенно изобразил изящный европейский поклон.

Господин Шпицрутенберг оказался долговязым и сухопарым немцем, скупой точностью движений напоминающим циркуль, в лиловых штанах, в камзоле с несчетным количеством пуговиц, чулках, башмаках, как у Гулливера, и длинном парике, болтающемся, словно уши спаниеля. По-русски говорил необычайно чисто, без малейшего акцента:

– Чем я могу служить русскому государю?

– Да так, мелочь сущая... Скажи-ка, мил человек, охрана твоя, что при слободе немецкой, не слишком велика ли?

– Я имею столько стражей, сколько достойно иметь представителю великой державы, – высокомерно вытянулся посол. – Лично мне, для обеспечения собственной безопасности, не нужен ни один. Я вполне обхожусь собственной шпагой.

– Да неужели? Так сколько, ты говоришь, при тебе солдат?

– Всего сто человек, считая конюхов, егерей, лакеев, поваров, портных, кюре, кузнеца и брадобрея. Я сам очень скромно в притязаниях, но положение обязывает...

– Кнут Гамсунович, видать, никак ты меня понять не хочешь... – сокрушенно проворчал Горох. – Уж который раз спрашиваю, охранников у тебя сколько?

– Десять, – сухо выдавил посол. – Если ваше величество сочтет их число чрезмерным, я охотно повешу шпагу на стену и полностью доверю собственную охрану вашим стрельцам.

– Ну, спасибочки за совет... Может, и вправду усадить тебя, от греха подальше, в палаты каменные, стрельцов приставить да охранять посменно, чтоб носу никуда не высунул!

– Что это значит?! – взвизгнул немец.

– А ты мне тут голос не завышай! – грозно поднимаясь на цыпочки, прорычал Горох. – Я ведь не посмотрю на твою европейскую дипломатию – самолично по шеям надаю и с лестницы спущу!

– Мой государь Фридрих...

– А вот твоему Фридриху дулю с маком! Не нравится?! Другого посла пришлет. Не хочет?! Чихал я на его эмбарго, обойдусь и без немецких сосисок!

– Но... такой разрыв дипломатических отношений... это же оскорбление на международном уровне! Европа не допустит...

– Что-о-о?! – Государь в праведном и совершенно неуправляемом гневе подпрыгнул, поймал полномочного представителя за пряди парика и притянул нос к носу. – Так ты, немчура австрийская, мне войной грозишь? Мало мы вам прошлый раз под Ревелем навтыкали?! Еще захотел? Так я тут сейчас и начну...

– Ваше царское величество! – не выдержав, вмешался я. – Ну нельзя же так, в самом деле... отпустите посла, мне с ним живым поговорить надо.

– Не лезь, участковый!.. – сопел царь. – Зашибу...

– Посажу на пятнадцать суток за хулиганство и сопротивление работникам милиции! – твердо пообещал я, встречаю между драчунами и распахивая их в стороны.

Оба активно упирались. Посол молча тянул к себе парик, а Горох ни в какую не хотел его отпускать. Победило русское самодурство. Государь удовлетворенно откатился, завладев отвоєванным париком, а немец оскорбленно дернул коротко стриженной макушкой.

– Так... все довольны? Как петухи, ей-богу... Наигрались, и хватит! Гражданин Шпицрутенберг, у меня к вам пара вопросов...

– Я не буду отвечать, пока...

– Фигу! Фигу тебе с маслом!

– Ваше величество... – Я требовательно протянул руку.

– Не отдам! – надулся Горох.

– Нехорошо...

– Все равно. Не отдам!

– Стыдно... И принесите извинения Кнуту Гамсуновичу за необоснованные обвинения.

Некоторое время царь и посол еще прожигали друг друга обиженными взглядами, потом парик перекочевал к немцу и противники молча пожали друг другу руки.

– Итак, если инцидент исчерпан...

– С кем имею честь? – перебил дипломат.

– Ивашов, Никита Иванович, начальник лукошкинского отделения милиции, – представился я. – С вашего позволения, хотел бы выяснить, не входят ли в штат охранников некие Ганс Гогенцоллерн и Жора Жуков?

– Да, эти храбрые парни служат у меня.

– Вам известно, где они провели прошлую ночь?

– Я не в курсе... – Он недоуменно пожал плечами. – Обычно мой дом охраняется четырьмя стражниками, на ночь заступают другие четверо. Признаться, я не помню, в какую смену дежурили эти двое, а чем вызвано...

– Да, вишь, твои «храбрые парни» вчерашней ночью на участкового моего напасть посмели! – вновь воодушевился Горох. – А ты, Кнут Гамсунович, и знать ничего не знаешь... Это что же получается? Дипломатия спит беспробудно, а за ее спиной ее же защитнички дела уголовные вершат... на мою милицию лапку задирают?! Не позволю!

– Но... я... прошу поверить... слово честного немца, если они виноваты... я сегодня же разберусь с мерзавцами! – воспрянул посол. – Господин милиционер, я буду просить вас немедленно отправиться со мной в слободу и лично, в моем присутствии допросить обоих! Если будет хоть тень сомнения в их невиновности, я тут же передам предателей в руки правосудия.

– Ну вот, другое дело... – ласково заключил царь. – Вот теперь – ты мне друг! Давай обнимемся и все забудем. Хоть ты и немец, а все-таки порядочный человек...

В само посольство мы выбрались уже к вечеру. Горох, по широте души легко переходивший от шумного гнева к щедрой любви, приказал накрывать столы и праздновать победу дипломатии. После третьей посол окончательно размяк, все простил и пил с царем на брудершафт, клянясь в вечной дружбе. Русский и немец – братья навек! Я ухитрился избежать возлияния, для службы нужна трезвая голова. Вышел к Яге, пояснил обстановку, потом договорился насчет стрелецкого эскорта. Если уж эти двое решились напасть на представителей милицейского управления, то уголовники они матерые. На всякий случай стоило оцепить всю немецкую слободу, а это не менее двух кварталов. Одной еремеевской сотней не обойтись...

Митька с присмирившим дьяком сидели во дворе, у конюшни, старательно горланя в два голоса:

Аз есть Арбуз, Арап, Армяк.
А Буки – Бредни, Бор, Бардак.
Есть Веди Вор, Весло, Варнак.
Глаголь – есть Гвоздь, Гумно, Гусак.
Добро – Дубина, Двор, Дурак...

Таким нехитрым способом дьяк Филимон учил своих подопечных азбуке. Оригинальный стихотворный текст принадлежал ему же, правда, на мой взгляд там было слишком много ругательств, но ни учителя, ни ученика это ни капли не смущало, и Митяй с воодушевлением продолжал:

Мыслете – Мымра, Море, Мир.
Покой есть Плут, Полено, Пир.

– Сожалею, что вынужден прервать ваши интеллектуальные занятия, но нам пора.

– Дак... мы ж не все буквы еще повторили, – заспорил было дьяк, но я проявил твердость:

– Завтра. Сегодня Дмитрий нужен мне как свидетель, необходимо провести очную ставку и опознать преступника. Завтра обещаю отпустить его на полдня для восполнения пробелов в чистописании. Напомните ему, что слова в тексте надо разделять, а каждое новое предложение начинать с заглавной буквы. Пошли, напарник...

Немецкий посол вышел от царя приплясывая, но своим ходом. Видимо, он уже не первый год осуществлял дипломатическую миссию в Лукошкине и был тренирован в таких делах. Для иностранца держался просто молодцом... Великолепный фореитор подал карету к самому крыльцу, мы четверо заняли места, я с послом, Митька с Ягой. Всю дорогу хранили вежливое молчание. Кнут Гамсунович нюхал какую-то соль, чтобы выветрить алкоголь из головы, а я размышлял о том, намного ли мы продвинулись в следствии. Выходило, что ни на шаг. Только больше запутались. Вылезли колдуны, нуждающиеся в черных тканях, охранники немецкого посла, хлебосольные армяне, и ни малейшей зацепки по самому существу дела. Похищенного-то как не было, так и нет. Надо бы не забыть завтра вызвать в отделение этого ново-явленного гробовщика-менялу. Побеседовать о причинах непонятной доверчивости. Еврей дает армянину деньги и верит на слово в то, что русский товар уже привез, но взять можно только завтра! Подозрительно, да? Интуиция говорила мне, что стоит поглубже копнуть в этом направлении.

Немецкая слобода поразила прежде всего чистотой и аккуратностью. Судя по всему, дворы и дома ежедневно просто мыли с мылом! Стерильность прямо-таки умопомрачающая... Идя по чистеньким гаревым дорожкам, Яга только завистливо цокала языком, а Митька фыркал, бормоча под нос что-то квасно-патриотическое. Нас встретили вежливо-корректные лакеи, сопроводили в дом. Десяток стрельцов последовал с нами, десяток остался во дворе, больше сотни, как и договаривались, оцепили слободу. Кнут Гамсунович дал конкретные указания, поэтому никто не нервничал, все проходило без суеты и паники, в атмосфере законопослушания и полного подчинения начальству. Усадив всех нас в своем кабинете, немецкий посол велел подать кофе и немедленно пригласить к нему требуемых лиц. Яга с Митькой от угощения отказались, а я с таким восторгом выпил чашечку, прилагая всю силу воли, чтобы не попросить еще. Кофе! Господи, ну как же я не догадался поинтересоваться у иностранных посольств. Их ведь в Лукошкине не меньше пяти. Купцы иноземные кофейные зерна, конечно, не завозили, а вот в немецкой слободе – пожалуйста, есть! По моей просьбе, для чистоты эксперимента, все десять телохранителей были вызваны, построены в ряд, и Митька придиричливо осмотрел каждого, медленно гуляя туда-сюда. Потом неожиданно развернулся и, схватив за грудки рослого крепыша с бесцветными глазами, громко потребовал:

– Так, быстро, без размышления, повтори – слон сосал соску!

– Нихт ферштейн, – не разжимая зубов, напряженно прошипел немец.

– Ах, не ферштейеешь, – обрадовался Митяй. – Он это, Никита Иванович, он! А ну, покажи зубы! Зубы покажи, кому говорят... О, вот! Нет у него зуба, что я говорил! Братва, вяжи злодея!

Посол сурово кивнул, и стрельцы взяли парня под стражу. Мне было намного сложнее, я ведь не видел своего врага в лицо. Было слишком темно, а по силуэту много не скажешь, но у одного охранника половина лица красовалась в свежих порезах, как у Шарапова.

– Ганс Гогенцоллерн?! – утвердительно спросил я.

Немецкий посол подумал и снова кивнул.

– Остальные свободны. Благодарю всех и приношу извинения за то, что оторвал от дела.

Прочие восемь молча кивнули, и по-военному развернувшись, вышли, не задавая вопросов.

– Они оба ваши, – подтвердил Кнут Гамсунович. – Надеюсь, вы упомянете его величеству о моем полном содействии властям?

– Всенепременно.

Я обернулся к двум равнодушно ожидающим охранникам:

– Ну что, граждане... вы задержаны по подозрению в нападении на работников милиции. Если у вас имеется алиби, какие-нибудь смягчающие обстоятельства, вопросы или протесты, то лучше заявить об этом сейчас, чем через пару часов в пыточной башне.

– Нихт ферштейн. – На лицах подозреваемых не дрогнул ни один мускул.

– В отделение обоих. Вот ключи от поруба, на данный момент он пустует. Сунете вниз, поставите охрану, дождетесь меня, мне еще надо кое-что уточнить.

Стрельцы понятиливо кивнули и увели преступников, Яга с Митькой вышли во двор, а я намеренно задержался у посла.

– Кнут Гамсунович, давно хочу спросить... Вот вы – немец, сколько я слышал о Германии – порядок у вас в стране есть. А мы в России, что у меня, что здесь, живем в каком-то непреходящем бардаке. То ли с властителями не везет, то ли природа у нас такая... И ведь народ-то талантлив без меры, душой богат, руки золотые, потенциал огромный, а вот... никак.

– Да, да, мой друг... У вас удивительный народ, совершенно замечательный народ...

– И я о том же... Но вот ведь смотрю, даже по вашей немецкой слободе – все чистенько, вылизано, мужчины и женщины ходят выглаженные, вежливые. Детишки во дворе в белых воротничках и фартучках играют. Мусора нет, шелухи от семечек не видать, пьяные под заборами не валяются... Одним словом – культура. У нас этого нет, а у вас – есть. Почему? Что нам с Россией делать надо, чтобы страну из хамства вытащить?

– Пороть, – ласково и убежденно пояснил немец. – Пороть ежедневно. За провинность и в качестве назидания. Только так!

– Чего? – не понял я. – Как это – пороть?

– Как мы порем. Вот у нас в слободе утро начинается с порки. В шесть утра общий подъем, хоровое пение гимна Германии, а потом специальная зондеркоманда ходит по домам и проверяет, где мусор, где шум, где недозволенные речи, где просто пели с недостаточным почтением... Виновных там же на месте и порют. С утра десять шпицрутенов. За невымытые окна – двадцать, за грязь на улице – двадцать пять, за неопрятный вид – десять, за более серьезные проступки – до ста, за детские шалости – не больше пяти – мы же не звери...

Я вышел от него с больной головой и вздыбленными волосами. Слов не было... Фашист! Фашист натуральный! Да пусть нам по гроб жизни не быть в Европейском союзе, чем входить в него на шпицрутенах и детских слезах...

– Никитушка, ты че смурной такой?

– С немцем поговорил... о том, как нам благоустроить Россию.

– Да ты что?! Рази ж можно? Они ж, стервецы, отродясь ничего путного не посоветуют!

– Я бы не сказал... В моем мире немцы очень много сделали для приютившей их страны – Крузенштерн, Белинсгаузен, Клодт, Штильмарк, Блюхер...

– Как, как, Никита Иванович? Блю... кто?

– Иди ты, Митька! На два шага вперед! Не к Филимону тебя в обучение сдавать надо было, а в немецкую слободу. За неделю бы человеком сделали.

– Не серчай на него, Никитушка, он по глупости, не по злобе... – вновь вмешалась бабка. – А только пока ты с послом о политике беседовал, я тут у обермейстера насчет субчиков наших уточнила. Не было их на дежурстве в ночь! Якобы у себя в казарме спали. Им, вишь, и в голову не приходит, чтоб кто-то самовольно из казармы ночью ушел. Че с них взять, немцы...

Уже темнело. Фонарей на лукошкинских улицах не предусматривалось, но пару раз попадавшиеся на пути стрелецкие дозоры радушно предупреждали, что в городе все спокойно. За поворотом темнел двухэтажный силуэт нашего терема. Вот и родное отделение, почти добрались... Митька первым ступил на деревянный мостик над неглубокой канавой на углу.

– Ой, батюшка воевода... глянь-кось, огонечек бежит! – удивленно выкрикнул он, указывая пальцами вниз.

Я слишком поздно понял, что это может значить... Грохнул такой взрыв! Земля и пламя взлетели в воздух, дымом заволокло все вокруг, нас с Ягой снесло к какому-то забору. Я так врезался спиной, что наверняка выломал пару досок. Рядом вверх тормашками приземлилась Яга, на фоне догорающих огрызков мостка четко вырисовывался ее впечатляющий нос, почему-то утыканный мелкими щепками.

– Поленом неструганным зацепило... – проследив мой взгляд, простонала бабка.

Я полез ей на помощь и едва не рухнул от дикой боли в колене – брюки были разорваны и над коленной чашечкой темнел багровый кровоподтек. Зазвонил пожарный колокол, со стороны отделения бежали стрельцы с факелами, повылезали встревоженные соседи. Нас подняли, осмотрели, затушили огонь... Еремеев приказал своим ребятам порыскать по темным углам, но злоумышленников не нашли. Бабу Ягу так на руках и понесли в терем, я хромал следом, опираясь на стрелецкий бердыш. Черт побери! Вот это уже действительно круто! Заминировать мостик на нашем пути, вовремя поджечь бикфордов шнур, да так, что едва Митька...

– Митька! Где Митька?! Еремеев, удержи своих, нам надо его найти...

– Не кричи, участковый, – глухо ответил старший стрелец, обнимая меня за плечи. – Нет там никого... Мы уж сами все обыскали. Знали, что вас трое было...

– Как это нет?! – уперся я, а сердце сковало скользким холодом. – Он же... первым шел. Вон, говорит, огонек бежит. Я хотел... не успел я... Так грянуло, что земля дыбом! Но Митька... Боже мой, как же это?

Ближайшие парни снимали шапки. Мы стояли, окруженные толпой народа, чья-то баба заголосила первая, ее рев подхватили остальные, мужики хмурили брови, но кое-где уже раздавались гневные выкрики о «государевых злодеях». Люди поняли: в городе творится что-то противоестественное. Ну, грабеж, разбой, поджог, даже убийство, были делом редким, но все же привычным. А вот взрыв... Это уже акт террора! Это не метод уничтожения отдельно взятой личности, а попытка запугать всех. Лукошкинцев всегда отличала здоровая способность спланировать перед лицом общей беды, и народ заволновался, требуя раскрыть дело и примерно наказать преступников. Возмущенные крики становились все громче:

– Че случилось, православные?

– Да Митьку беспутного из милиции убило!

– Как убило?

– На куски разорвало, даже лоскуточков не осталось...

– Ой, бабоньки-и-и!

– Ягу в терем унесли, видать, помрет к ночи.

– А участковый-то где?

– Да здесь стоит, весь пораненный. Ох, не жилец он теперь на свете, не жилец...

– Это кто ж такое злодейство удумал?

– Знамо кто – враги государевы! Сыскной воевода, вишь, многим злодеям хвосты-то прижал, вот они ему и наместили...

– Ой, бабоньки-и-и!..

Импровизированный митинг грозил перерасти в несанкционированный самосуд. Не дожидаясь, пока какой-нибудь горлопан самолично укажет толпе подходящего «преступника», я с помощью стрельцов кое-как вскарабкался на покосившийся забор и обратился к людям:

– Граждане! Послушайте меня, вашего участкового... То, что сейчас произошло, не останется безнаказанным! У меня... погиб друг. Мой напарник, человек, беззаветно преданный службе в милиции... Дмитрий. Не сомневайтесь, я найду виновных. Я никому не позволю...

– Ой, бабоньки-и-и!..

– Да уймите же наконец эту дуру! Террористы, устроившие сегодняшний взрыв, будут найдены и обезврежены. Когда мне понадобится ваша помощь, а она понадобится обязательно, я сам приду и попрошу. А сейчас – расходитесь по домам. Не надо ничего предпринимать, оставьте это дело профессионалам, мы... – Мне было очень трудно говорить. Мы – уже не звучало. Баба Яга приходит в себя в тереме, Митька... Эх, Митя, Митя...

– Летит! – совершенно сумасшедшим голосом заорал кто-то, и с ночных небес в шарахнувшуюся толпу упал непонятный предмет.

При ближайшем рассмотрении все признали в нем обычный лапоть. Минутой позже рядом грохнулся второй.

– Ой, бабонь... оп! – Похоже, тетке действительно заткнули рот.

Все подняли глаза вверх. На самом коньке нашего терема, невероятно изогнувшись, висела долговязая мужская фигура. Судя по ритмичному качанию, она намертво зацепилась штанами.

– М... м... Дм... Митька?! – прозрев, заорал я.

– ...а ...атюшка ...икита ...ваныч! – протяжно раздалось сверху.

– Ты живой?!

– ...ока... а! ...нимите ...еня ...риста ...ади! ...ропадаю!

– Граждане! – воспрянул я. – Вот и пришло ваше время помочь родной милиции. А ну, у кого дома самая большая и крепкая скатерть – тащи сюда!

Через пять минут воодушевленные горожане стояли у нашего терема, растянув за края целых шесть больших, расшитых петухами, льняных скатертей с бахромой.

– Митяй! Все готово, падай!

– ...оюсь! ...друг ...е ...оймаете? – Высота гасила его крики, да и орать носом вниз, ногами вверх не очень удобно.

Я повернулся к Еремееву:

– Фома, можешь пальнуть из своей пищали?

– Сбить его, что ли? – не понял он. – Дак... на таком расстоянии не промахнусь.

– Не дури! В него стрелять не надо. Просто пальни для острстки... Митька! Слушай меня! Сейчас стрелы дадут залп и пулями прострелят тебе... ты чем зацепился-то?

– ...танами! ...олько ...не ...треляйте ...ристом ...огом ...олю!!! – перепуганно заверещали сверху.

– По штанам! Прямой наводкой! Целься! Пли!!! – командирским голосом опытного артиллериста рявкнул я.

Раздался слаженный залп... в воздух. В ту же минуту с крыши нашего терема, вопя, слетел младший сотрудник лукошкинского отделения милиции. Митька угодил на чью-то растянутую скатерть, два раза подпрыгнул и был подхвачен заботливыми стрельцами. Народ ломанулся потрогать воскресшего героя. На сегодняшнюю ночь Митька, несомненно, занимал ведущее место в графе популярности. Я облегченно вздохнул и позволил Еремееву увести меня в дом. Нога болела страшно, и голова кружилась. Надо позаботиться и о себе. Делом займемся завтра...

Сквозь приоткрытое окно опять доносилось треклятое «ку-ка-ре-ку». Не открывая глаз, я нашарил на стуле у кровати свои штаны, торопливо ощупал карманы с тайной надеждой обнаружить в одном табельный пистолет. Он не доживет до того дня, когда вылупившиеся цыплята скажут ему: «Здравствуй, папа!» Увы, чуда не произошло... Горластая скотина проорала побудку еще раз, спрыгнула с тына и величественно прошествовала во двор. Я со стоном сел и опустил ноги в теплые тапочки. Моя форма, как положено, висела на стуле. Брюки целехоньки, выстираны и отутюжены, к таким «бытовым» чудесам я давно привык. Сама Яга этого не делает, у нее какой-то договор с домовым насчет подобной работенки. А вот то,

что на ноге не было и следа вчерашнего ушиба, – несомненная заслуга моей домохозяйки. Видимо, когда я отключился, она, невзирая на собственные страдания, занялась моей «раной». А может, не сама, может, кота ко мне направила, он у нее на все руки мастер. Или на все лапы? Или не на все, а на две передние? Тьфу! Что за чушь лезет в голову? Я встал, наклонил рукомойник, поплескал в лицо водичкой – вроде полегчало. Все, пора за дела.

Одевшись, я толкнул дверь – заперто. Не понял юмора... Толкнул посильнее – за дверью что-то мягко бухнуло об пол. Потом моим глазам предстал заспанный стрелец, видимо, во сне он подпирал дверь спиной.

– А-а-м-м... Доброго утречка, батюшка сыскной воевода!

– Ты что здесь делаешь?

– Вас от лихоедеев сторожу, как Фома Силыч приказывали.

– Еремеев, что ли? – раздраженно буркнул я. – А почему спишь на посту?!

– Виноват, ваше благородие! Ненароком... и не заметил как, но всю ноченьку, аки филин, бдил!

– Ладно, свободен. Возвращайся к начальству и доложи, что все нормально. Да, встретишь Еремеева, передай ему, чтоб он порядки свои в отделении не устраивал. Я не младенец, нечего ко мне нянек приставлять.

Парень поклонился, забрал стоящий у лестницы бердыш и убежал. Я медленно спустился вниз. Голова гудит... На Фому неизвестно зачем собак спустил, он же как лучше хотел... Все наперекосяк! Яги в горнице не было. Стол пустой. Выглянув в сени, я убедился, что и Митька куда-то слинял с утра пораньше. Все против меня! Полез в печку, хотел достать углей, разогреть самовар, но зацепился штаниной за ухват. Сначала упал он, больно стукнув меня по пальцам руки, а потом заслонка, которую я, естественно, выронил. Грохоту! Я тихо взвыл и в полном отчаянии опустился на скамью.

– Никитушка! Сокол ты наш ясный, да что ж это с тобой деется? – Баба Яга неслышными шагами просеменила из своей половины и обняла меня, утешая, как ребенка. Я уткнулся носом в ее цветастую душегрейку, и мне стало так легко, так тепло, как бывает только в раннем детстве на руках у бабушки.

– Здорово, бабуленька! – донеслось из сеней. – А я вот с утра на рынок сбегал, яблочков спелых Никите Иванычу принес.

– Да не ори ты, неслух! Али не видишь, до чего враги нашего воеводу-батюшку довели? Измотался совсем человек, на себя не похож, а ты и рад спозаранку горло драть?!

– Прощения просим. – Митька на цыпочках подошел к нам, в скорбной позе стал рядом.

– Никита Иваныч, уж вы не переживайте, не берите близко к сердцу... Одолеем мы их, супостатов! Вы мне только пальцем ткните, который обидел, а уж я из него всю борзоту-то на раз повышибаю!

– В самом деле, занялся бы ты этим, Митенька. Участковый наш – человек хрупкий, умственной работой перегруженный, где ему за всем уследить. Я так думаю, пусть уж он нонче дома отсидится, а ты сам милицейскую службу справь. Проверь, где, чего, за порядком присмотри, чтоб знал народ: мы на посту. А там вечером и доложишься.

– Рад стараться, – не веря такому счастью, тихо проскулил мой напарник. – Да я, да за такое служебное доверие...

– Стоп! Сбавь обороты, герой. – Я собрался и вырвался из добрых бабкиных рук. – Не хороните меня раньше времени. Да и в санаторий для инвалидов записываться рановато. Давайте-ка завтракать, ну и по ходу посоветуемся о наших делах.

Митька разочарованно сник. В его жалобном взоре еще отсвечивала вожаденная кокарда. Яга, наоборот, охая, бросилась к печке доставать горшок с гречневой кашей, топленое молоко и пироги с грибами. Я только сейчас обратил внимание, что длинный нос нашей старушки был забинтован тряпочкой и украшался маленьким бантиком сбоку. Видимо, ее «ране-

ния» были не в пример серьезней моих. Несмотря на возможный комизм ситуации, смеха это не вызывало, даже наоборот, здоровое раздражение и желание всерьез разобраться с негодьями, так издевающимися над заслуженной пенсионеркой. Митьку с пирогом и миской каши отправили в сени. Сколько я ни боролся с этой старорежимной дискриминацией, Яга была неумолима. Конечно, основной темой разговора за столом являлся вчерашний взрыв.

– Ты как хошь, участковый, а только это немцы твои нас подорвали! Нет им моего доверия, не было и нет! Вот погоди, не спорь... Посол энтот, Кнут Плеткович...

– Гамсунович, – поправил я.

– А мне, знаешь ли, без разницы, – взвилась бабка, – что ж он, немчура поганая, мне нос портить будет, а я молчи?! Да я ему... он у меня... я ж до самого царя дойду, чтоб засвидетельствовать...

– Это все эмоции, к тому же абсолютно не подтвержденные реальными фактами. С чего вы вообще взяли, что Шпицрутенберг имеет к этому отношение?

– Так ты сам посуди. Чьи охраннички на твою светлость покушались? Его! Кто нас пойлом горьким с запахом дурманным поил? Он! Кто тебя в кабинете задержал, пока его подручные покушение готовили? Опять он! А кому все это было выгодно? Ему же, басурманину!

– Глупости! – Я твердо отмел все возможные инсинуации. – Посол слишком дорожит своим местом и безропотно сдал двух телохранителей при малейшем намеке на его личное участие в нападении на работников милиции. Угощал он нас кофе. Между прочим, очень хорошего качества. Если не нравится, не пейте. И в кабинете он меня не задерживал, это моя бредовая идея посоветоваться с иностранцем насчет прогрессивных реформ в стране. Он за это время никуда не отлучался, никому никаких приказов не отдавал, мы все время были с глазу на глаз.

– А кто ж тогда знал, что мы из слободы домой пойдем?

– А куда мы могли пойти, на ночь глядя? В ресторан или библиотеку?!

Баба Яга некоторое время сосредоточенно молчала, выстраивая в уме новую версию обвинения, но, ничего не придумав, сдалась:

– Ничего не могу с собой поделаться... А только чую: не русские это люди под нами мостик разнесли. Наш злодей, он ведь как... Ножик под ребро запустить, кистенем из-за угла ошарашить, удавку на шею набросить, а то и попросту оглоблей вдоль хребта ломануть – всегда пожалуйста. Но чтобы такое...

– А если шамахань? – предположил я.

– Навряд ли... Уж они-то так сильно по заливку схлопотали, что теперь нескоро к нам нос сунут. Чтобы взрыв устроить, здесь ведь и точность, и расчет, и знания нужны. Немецкий склад ума – вот как это обзывается. Без них, нехристей, тут не обошлось...

– Хорошо, не будем сбрасывать посла со счетов, оставим как рабочую версию. Тогда дело о пропаже черной ткани придется задвинуть в дальний ящик. Есть более неотложные задачи: наша безопасность, например.

– Царя оповестить надобно.

– Надо, но не хочется... Вы ведь его знаете, начнет кулаками махать, всех немцев в тюрьму, посла на каторгу, охранников на дыбу, там покаются... Я тут бьюсь-бьюсь над установлением в городе хоть какой-то законности, и все коту под хвост? В условиях диктатуры милиция работать не может. Мы просто выродимся в очередной фискально-карательный орган.

– Ох, Никитушка, – вздохнула Яга, – не лез бы ты в политику, себе дороже. Служил бы помаленьку, и все.

– Не могу, душа болит...

Мы помолчали. По большому счету она права, каждому надо заниматься своим делом, а нести прогресс в Древнюю сказочную Русь совершенно бесперспективно, да и небезопасно...

– Значит, на сегодня план действий таков... Митька!

– Ям... чавк... ам... нь?! – выжидательно донеслось из сеней.

– Давай завтракай поскорее, поработаешь курьером. Я составлю докладную для царя, передашь лично в руки. Потом сгоняешь в торговый квартал, найдешь погребальную контору Шмулинсона и пригласишь его ко мне в отделение, повестку я выпишу. Именно пригласишь! Вежливо, с поклонами, а узнаю, что опять угрожал за неявку «смертью безвременной и геенной огненной», – накажу.

– Умн, – наконец прожевал наш старательный товарищ и обиженно буркнул: – Да рази ж я совсем без понятия? Я ж по злобе и мухи не обижу...

– Угу, а кто плотника Лепехина в короб с опилками по самую шею засунул?

– А... у... а вы как узнали?

– На то я и участковый. Доложили уже. – Поморщившись, я достал из планшетки лист бумаги: – Вот его заявление, полностью признает себя виновным в том, что в пьяном виде обозначал цвет милицейского мундира как мышиный. За такую дерзость и был опущен в опилки со стружками младшим сотрудником отделения. Вину свою осознал, прощения смиренно просит, и чтоб Христа ради, голову ему за эту провинность не рубили. Твоя работа?

– Моя, – гордо выпятился Митяй, – а пушай теперь милицию уважает.

– Подведешь ты своими угрозами всех нас под монастырь... Ладно, задание понял?

– Как не понять... Исполню в точности, не извольте сомневаться. Разрешите выполнять?

– Погоди, сейчас докладную напишу.

Когда Митька умчался по делам, мы с Ягой тоже начали собираться. Во-первых, стоило осмотреть место вчерашнего теракта, возможно, колдовские способности бабки и укажут истинный след. Во-вторых, вернуться и допросить охранников посла. Они наверняка только косят под незнание языка, но при правильном допросе непременно расколются. И в-третьих, вечером провести разъяснительную беседу с гражданином Шмулинсоном Абрамом Моисеевичем. В смысле, чтобы он разъяснил мне кое-какие непонятные моменты. Вроде бы все...

Еремеев догадался поставить на охрану места преступления двух стрельцов. Они спроваживали любопытных и шугали соседских ребятишек, чтоб не затоптали следы. Беглый осмотр подтвердил мои худшие подозрения – никаких улик. Подобрав пару обгорелых щепок, я не обнаружил характерного запаха пороха. Что же тогда так рвануло? Динамит, бертолетова соль, пироксилин, нитроглицериновая смесь, пластиковая или водородная бомба? Баба Яга шныряла по канаве едва ли не на четвереньках, подбирая совершенно непонятные для меня камушки, листики, угольки... Когда она вылезла из-под единственного уцелевшего бревна, даже белая повязка на ее носу была перемазана сажей.

– Пошли в дом, участковый, там переговорим...

После умывания задумчивая бабка опустилась на скамью, наморщила лоб и долгое время молча о чем-то размышляла, передвигая по столу собранный в канаве мусор. Я приготовил бумагу и карандаш, а потом сидел тише мыши, ожидая, пока она настроится...

– Значит, вот как все оно было... Злодеи нам всем верную смерть приготовили. Уж как они прознали, когда мы через мосток пойдем, – про то мне не ведомо... А только сунули под него котел чугунный мало не в три ведра! Под котел тот разрыв-травы положили – целый пук! Бегун-травой на десять шагов дорожку выстелили и в начале Степкин огонек поставили. Ну, а что потом было – про то ты не хуже моего ведаешь...

– Минуточку, – запротестовал я, – может, вам действительно все понятно, но я из всей этой ботаники ничего так и не уяснил. По-вашему выходит, что нас пытались подорвать какими-то лютиками-ромашками?!

– Ты думай, че говоришь-то! – Яга даже покраснела от незаслуженной обиды. – Не знаешь, так уж молчи.

– Нет, молчать я не буду, а вот вы объясните мне все популярно. Так, чтобы и я сам понял, и к делу подшил серьезный документ, а не обгорелый гербарий.

– Пожалуйста... – поджала губки бабка. – Чему вас только в милиции учили? Слушай, значит... Про разрыв-траву у нас даже дети малые знают. Растет она в лесу, от иной травы сразу не отличная, листья крестиком, цветочки красненькие, а вот только брось ее в воду – все травинки по течению плывут, она одна – против! Тут ее в руки бери да храни до поры. Потому как ежели разрыв-траву на замок, на засов али еще на что железное положить – она тот предмет на куски порвет!

– А... котел вроде был чугунный, – напомнил я.

– И чугун порвет, от него даже куски еще мельче посыплются. Оттого трава эта ворами разными пуще золота ценится... Добыть ее нелегко, а польза великая.

– Так, про воров я записал. А каким образом это биологическое оружие активизируется?

– Чего?!

– Виноват... Ну, в смысле, как добиваются того, чтобы она сработала? Кидают травку на замок и прячутся куда подальше, чтоб взрывом не зацепило?

– На то бегун-трава на дне канавы и положена была... Помнишь, Митька тебе еще на огонек указал? Так вот это цветок был махонький, Степкой-огоньком кличут. Он сам на одном месте не цветет, все по другим травам шастает, словно искорка огненная перебегает. А ежели им в человеческий след ткнуть, то цветок того человека завсегда сам отыщет. Вот враги наши чего и удумали... Котел под мостом уложили, разрыв-травы под него бросили да на Степкин огонек и заговорили.

– А где они Митькин след взяли?

– Эвон где... да он своими лаптями такие следы у забора наоставлял – любо-дорого поглядеть. Злодеям только и дела, что на след этот как бы ненароком цветок уронить, да подобрать, да на бегун-траву выложить. Как наш парень на мосток ступил, так Степкин огонек к нему и ринулся...

– Добежал до разрыв-травы, она сдетонировала, взорвала чугунный котел, который, в свою очередь, и разнес конкретный мостик, – аккуратно дописал я. Абсолютная белиберда! Но пока нет научного объяснения, будем держаться этого. – Вот только мне не вполне понятно, почему террористы ориентировались именно на Митькин след?

– Про то не ведаю, – развела руками Баба Яга. – Могла бы приврать, да не хочется. Вот разве мыслишка у меня одна была, как ее... гипотеза! Что, ежели соглядатай наш, по лавкам гуляя да про тряпки расспрашивая, ненароком углядел чего не следовало?

– Очень может быть, но что именно?

– У него и спроси.

– Как? Подойти и поинтересоваться, не видал ли он, часом, чего-то такого, о чем мне сказать подзабыл, а нас из-за этого «чего-то» едва не подорвали? Ну, он враз такого навспоминает – мы за неделю не разгребем.

– Тоже верно, – согласилась Яга. – А теперь давай время не тянуть, потому как...

В дверь постучали.

– Ты ждешь кого, Никитушка?

– Нет, а вы?

– И я нет.

– Войдите! – хором попросили мы.

В горницу торжественно вступила целая армянская делегация. Две старые толстухи с черными усами, еще молодая женщина с зареванным лицом, двое стройных юношей призывного возраста, худущий дед с трясущейся головой, трое ребятишек мал мала меньше и четверо взрослых мужчин, скорее всего слуг.

– Вы по какому вопросу, граждане? – недоуменно повернулся я.

Вместо ответа они дружно бухнулись на колени и стали бить лбами о пол. Терем зашатался... Я не преувеличиваю – на столе, подпрыгивая, звенела посуда!

– Прекратить немедленно! – взвыл я, пока Яга успешно перехватывала спрыгивающий самовар.

На минуту стало тихо, но только на минуту. Едва я перевел дыхание, как вся толпа так же дружно ударилась в слезы. Рыдали все – от мала до велика. Искренне, старательно, от души...

Мне пришлось орать снова и даже топтать ногами, пока они наконец не замолчали, жалобно глядя на меня печальными, укоризненными взглядами.

– Что случилось? – очень тихо спросил я. – Отвечайте по существу, одним голосом. Если кто еще раз заплачет – злой дядя-милиционер посадит того в тюрьму. Все поняли?

– Да, гражданин начальник... – горько вздохнула молодая женщина. – Милости твоей пришла просить для мужа своего Кирокосьянца Арон-джана.

– Какой милости? Но... я же его не арестовывал, никаких обвинений не предъявлял, о чем вы просите?!

– О прощании, начальник... Ради дэтэй, ради матэри эго и тети с дядэй, ради мэнэ, безутешной, – прости эго, дорогой участковый! Вэли своей уважаемой бабушкэ с нэго заклэтьэ снять.

– Опять не понял... Какое заклэтьэ? – Я беспомощно повернулся к Бабе Яге.

Она смущенно завозила и поманила меня пальцем:

– Никитушка, видать, слова-то те, что я ему в запале сказала, – к месту пришлось... А что, хозяйшка, муженек-то твой совсем пьяный лежит?

– Совсэм... – скорбно закивала жена Кирокосьянца. – Как за стол сэл, как все выпил, так и упал – нэ поднимается. Совсэм пьяный...

– А глазоньки у него не окосели?

– Окосэли, совсэм окосэли. Пьяный лэжит, никого нэ узнает, а глаза совсэм косыэ...

– Ладно, помогу горю вашему. На вот, пузырек возьми, на тряпочку капни да мужу под нос и сунь. Небось протрезвеет... А как очухается, скажи, чтобы впредь милиции в работе помогал, а не застольями отвлекал от дел серьезных.

– Нэпрэмэнно! – Женщина подхватила пузырек, чмокнула бабку в щеку, и, не сказав ни «спасибо», ни «до свидания», со всей родней бросилась из терема вон.

– Ну и дела, – проворчал я. – Вы, бабушка, когда граждан заколдовываете, хоть в известность меня ставьте, а то стою дурак дураком. С чего это вы решили на нем отыгаться? Нам подозреваемых беречь надо...

– Ну, уж прости старую, не нарочно я...

– И как у вас это получается? Сказала слово – раз, и все! В моем времени экстрасенсы какие-то пассы руками делают, рожи корчат, установки дают... Некоторые потом книги о колдовстве пишут, секретами ремесла делятся и успешно приторговывают разными крестами, звездами, браслетами... Бизнес поставили на широкую ногу.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи, – мгновенно привстала Яга, в ее глазах загорелись желтые искорки материальной заинтересованности.

Добрые полчаса мы потратили на обсуждение коммерческих принципов действия всяких лонго, чумаков, джунн и прочих баб нюр. Потомственные колдуны, опытные ясновидящие, могущественные маги, всезнающие гадалки. Таро, исправители кармы, жрецы вуду и настоящие чукотские шаманы – все разъясняли недипломированной старухе, как убедить среднестатистического человека добровольно расстаться с деньгами, да еще и чувствовать себя после этого счастливым, здоровым и богатым. Ну, хотя бы какое-то время...

Заявился Митька. Никого с собой не притащил, никто за ним не гнался, так что задание, видимо, исполнил как надо. Царь докладную прочел, ответную записку писать не стал,

а на словах передал, что дает мне полную свободу действий. Но когда начну атаковать немецкую слободу пушками, то без него не начинать, ему тоже интересно... Шмулинсон божился именем святого Моисея быть к пяти часам как штык. Глупых вопросов не задавал, в панику не вдавался, сказал, что лишь возьмет пару чистого белья, теплые носки и мацу в дорогу.

Митяй уверял, что никого не запугивал...

– Хорошо, возьми двух стрельцов у ворот, открой поруб, там охранники посольские еще с ночи сидят. Забирайте обоих и ведите сюда, будем проводить перекрестный допрос по всем правилам.

Через пару минут к нам ворвался бледный стрелец:

– Батюшка сыскной воевода! Беда! Спустились мы в поруб, а заключенные-то совсем окоченели...

– Да, там у нас калориферы не топят... – не сразу врубился я.

– А что с трупами делать?

– С какими трупами?!

– Дак я ж говорю, холодные они совсем. Померли!

Переглянувшись с Ягой, я схватил фуражку и следом за стрельцом бросился к порубу. Митька ждал меня внутри. Поруб представлял собой большую землянку с бревенчатой крышей, десять ступеней вниз, ходить можно только пригнувшись. Раньше Яга держала здесь припасы на зиму, а со времени открытия отделения мы использовали его как «камеру предварительного заключения». Тусклый огонек свечи позволял разглядеть две скорчившиеся на земляном полу фигуры. Неужели действительно замерзли насмерть? Раньше такого никогда не было... Холодно здесь, да, но не настолько же!

– Что делать будем, Никита Иванович?

– Вытаскивай их во двор по одному. Сами справимся?

Митяй снисходительно пожал плечами. Силы ему Бог отпустил, ровно владимирскому тяжеловозу. Когда два мертвеца были уложены у забора, Баба Яга придирчиво осмотрела обоих. Впрочем, на этот раз и у меня не было ни малейшего сомнения относительно причин скоропостижной смерти... Застывшие гримасы боли, изломанные судорогой тела, почерневшие языки и подсыхающая пена в уголках рта явно указывали на преднамеренное отравление. Черт подери, я почувствовал себя обманутым и обворованным! Два преступника, двое подозреваемых, два свидетеля одновременно – уже никому ничего не расскажут. Кто-то просто убрал их с шахматной доски, как проигранные фигуры. Эти пешки слишком много знали. Может, не слишком, но достаточно для того, чтобы тот, кто стоял за их спинами, предпочел не рисковать...

– Никитушка, стрельцы говорят, что обыскивали обоих, оружия при них не было, а вот шарик малый, крошку ядовитую, вполне пронести могли. В ухе, например...

– К порубу никто не приближался?

– Знамо, нет, стрельцы ведь теперь все тут охраняют, заметили бы. Вон тот, помоложе, у самых дверей стоял, глаз не смыкая.

– Эй, молодец! Подойди-ка сюда. Напомни мне, с того времени, как заключенных отправили в поруб, к нему никто не подходил?

– Никто, воевода-батюшка.

– Ни животное, ни человек, ни насекомое? Поднапряги память, точно никто?

– Нет...

– А петух?

– Не... ну, может, муха туда-сюда летала, а так никого.

– Изнутри доносился какой-нибудь шум? Голоса, песни, плач, крики, возня?

– Да... нет... вроде. – Парень почесал в затылке. – Ну, ясное дело, живые люди, шебуршали слегка. Только по лестнице никто не ходил, в дверь не стучали, пристойно себя вели. Трубки курили...

– Курили?! – не сразу поверил я.

За все время своей работы в Лукошкине не встречал ни одного курящего человека. Табак в Россию был завезен царем Петром, а здесь его появление и не планировалось.

– Так ведь многие немцы трубки курят, – даже удивился стрелец. – Зелье дурманное, бесовское, и запах от него дюже зловонный, а им в удовольствие. Вот отсюда, из щели дымок черный тянулся. Я и решил – курят, супостаты...

– Странно... Я был внизу и совершенно не почувствовал запаха табака. Митяй, обыщи их обоих еще раз.

– Ничего нет, Никита Иванович!

– А что, когда в первый раз обыскивал, что-нибудь было?

– Нет, – покачал головой второй стрелец. – Я сам их перещупал – ни в карманах, ни за пазухой, ни в сапогах, крошка хлебная – и та не заваялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.